

**ЛЕГЕНДА ОБ ОСНОВАНИИ ПРАГИ
В ЛАТИНОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
XII–XV вв.**

Легенда о том, как была основана Прага и как она получила свое название, содержится во многих средневековых сочинениях, латинских и чешских. Впервые эта легенда оформилась именно на латинском языке.

Мы рассмотрим здесь пять текстов: сочинение первого чешского историка Козьмы Пражского, написавшего свою «Чешскую хронику» в начале XII в., три хроники второй половины XIV в., написанные при императоре Карле IV, и «Чешскую историю» итальянского гуманиста Энея Сильвия Пикколомини, будущего папы Пия II, написанную в 1458 г. Попытаемся проследить, как на протяжении веков менялась эта легенда.

История основания Праги в более или менее полном виде появляется у всех авторов, описывающих легендарный период истории страны: приход чехов во главе с «праотцем Чехом» на эту землю, правление мудрого судьи Крока, переход власти после его смерти к его младшей дочери, справедливой и мудрой прорицательнице Либуше¹, недовольство народа правлением женщины, призвание от сохи в князи Пршемысла, ставшего мужем Либуши.

В общих чертах эта легенда может быть изложена в следующем виде: вскоре после призвания Пршемысла Либуше в пророческом трансе предсказывает появление города, которому суждена великая слава, и приказывает своим подданным отправиться в лес, где и будет построен этот город. Название городу будет дано от слова «порог» (práh)². В этом городе в будущем возрастут «две золотые оливоны» — святые Вацлав и Войтех³.

¹Ее имя в латиноязычных источниках пишется по-разному: Lubossa, Lybossa, Libussa. По-чешски это имя выглядит как «Libuše», и по-русски мы будем ее называть Либуша. По-русски приняты также варианты Либуше, Любуша.

²Эта народная этимология считается неверной. Окончательного решения вопроса о происхождении названия Праги нет. См., напр.: *Pok L. Fraganeo, aneb co víme, co nevíme a co si můžeme domýšlet o Praze před rokem 1000*. Praha, 1990.

³Существует, впрочем, еще одна версия этих событий, дошедшая до нас в очень кратком виде в памятнике, датировка которого по сей день вызывает ©Ю. В. Гидулянова, 2007

И. Первый чешский историк — Козьма Пражский (1045–1125)⁴ написал свою «Чешскую хронику» в конце жизни. Основание Праги он описывает следующим образом.

Княгиня Либуша, одержимая пророческим духом (phitone⁵ concitata), в присутствии своего мужа и старейшин своего народа произносит три гексаметра:⁶

Urbem conspicio, fama que sydera tanget,
Est locus in silva, villa qui distat ab ista
Terdenis stadiis, quem Wlitaua terminat undis.⁷

‘Я вижу город, который славой коснется звезд. Есть место в лесу, которое отстоит от этого поселения на тридцать стадиев, которое Влтава ограничивает волнами’.

Далее Либуша уже в прозе уточняет местонахождение будущего города, упоминая речку Бруснице и холм Петршин («nimis petrosus, qui a petris dicitur Petrin»⁸), сохранившие свои названия до наших дней. Наконец, она говорит:

Ad quem cum perveneritis invenietis hominem in media silva limen domus operantem. Et quia ad humile limen etiam magni domini se inclinant, ex eventu rei urbem, quam edificabitis, vocabitis Pragam.

‘Когда вы к нему (к этому месту) придете, найдете в лесной глуши человека, делающего порог дома. И так как к низкому порогу даже ве-

споры — это «Житие св. Вацлава и св. Людмилы», называемое также «Кристианова легенда». Возможно, этот памятник относится к концу X столетия. Согласно этому житию, чехи, терзаемые какой-то эпидемией (pestilencie cladibus attriti), обратились к некоей прорицательнице (adeunt quandam pythonissam) за советом. Получив ответ, построили город и назвали его Прагой. После этого, «найдя некоего умнейшего и предусмотрительнейшего мужа именем Пршемьсл (...) по совету прорицательницы, правителем его себе назначили (...) и выдали за него упомянутую прорицательницу» (Fontes rerum Bohemicarum. Praha, 1873. D. I. S. 202).

⁴О Козьме Пражском см., напр.: *Регель В.* О хронике Козьмы Пражского // ЖМНП. 1890. Т. ССLXX. С. 221–261; *Тřeštík D.* Kosmova kronika. Praha, 1968. Хроника Козьмы переведена на русский язык: *Козьма Пражский.* Чешская хроника. М., 1962.

⁵Phiton — распространенное средневековое написание классического python; отсюда существительное phitonissa (pythonissa) — прорицательница.

⁶Козьма регулярно вставляет в свою прозаическую хронику стихотворные (преимущественно гексаметрические) строки.

⁷Хроника Козьмы цитируется по изданию: Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. Nova series. Tomus II: Cosmae Pragensis Chronica Vomerum / Ed. V. Bretholz. Berolini, 1955.

⁸«Очень каменистый, который от камней (petra по-латыни) называется Петрин».

ликие господа склоняются⁹, по исходу дела город, который постройте, назовете Прагой’.

Обратим внимание, что здесь отсутствует славянское слово для обозначения порога.

Далее Либуша предсказывает появление святых Вацлава и Войтеха:

Nac in urbe olim in futurum bine auree ascendent olive, que cacumine suo usque ad septimum penetrabunt celum et per totum mundum signis et miraculis coruscabunt (...). Una ex his vocabitur Maior Gloria, altera Exercitus Consolatio.

‘В этом городе однажды в будущем поднимутся две золотые оливы, которые вершинами своими вознесутся до седьмого неба, чудесами и знаменами своими по всему миру будут блистать (...). Одна из них назовется Большая Слава, а другая — Утешение Войска’.

Наконец:

Continuo itur in antiquam silvam¹⁰ et reperto dato signo in predicto loco urbem, tocius Boemie domnam, edificant Pragam.

⁹Под «низким порогом» (*humile limen*) имеется в виду, вероятно, вход с низкой притолокой. Мысль о том, что об низкую притолоку можно удариться головой, встречается в римской литературе. В сохранившемся фрагменте комедии Новия герой говорит, что «верхний порог» (*limen superum*) не раз бил его по голове, а об «нижний порог» (*limen inferum*) он отбил себе все пальцы. У Овидия в «Метаморфозах» (VIII, 638) боги входят в низкую дверь (*humiles postes*) скромного жилища Филемона и Бавкиды, «склонив голову» (*summisso vertice*). В средневековой латыни слово *limen* (чаще во множественном числе. См.: *Niermeyer J. F. Mediae Latinitatis Lexicon. Leiden, 1976. S.v. limen*) могло означать «могилу святого». Это значение, по-видимому, обыграл Пржибик Пулкава, как мы покажем в дальнейшем. Однако автор «Хроники так называемого Далимила», возникшей во втором десятилетии XIV в., понял слова Либуши у Козьмы буквально. Соответствующие слова из пророчества Либуши у него выглядят следующим образом: ...kniežata i kralove/ lidé silní jako lvové/ proti prahu klanějí hlavu/ aby ji měli zdravu.

¹⁰*Itur in antiquam silvam* («идут в древний лес»): необходимо отметить деталь, важную для понимания манеры цитирования Козьмы (как и многих средневековых авторов). Эти слова представляют собой первое полустигшие гексаметра и целиком взяты из «Энеиды» Вергилия (VI, 179 — параллель указана в упомянутом издании Б. Бретгольца). Само по себе это не удивительно для автора, который хранил в памяти заученные в школе стихи латинских классиков — Вергилия, Горация, Овидия. Важен вергилиевский контекст: этим стихом в «Энеиде» описывается поход в лес за дровами для погребального костра. Очевидно, что Козьма не всегда цитирует с намерением вызвать в памяти читателя исходный контекст, да и сам едва ли его помнит — иначе вряд ли он использовал бы эту цитату в патетическом описании основания дорогого его сердцу города.

‘Тотчас идут в древний лес и, увидев данный знак в указанном месте, город, главу всей Богемии, строят Прагу’.

П. К описанию основания Праги спустя 200 лет обращаются хронисты¹¹, близкие ко двору императора Карла IV¹². Это был период интенсивного развития чешской культуры¹³. Карл поощрял написание хроник, «вписывающих» чешскую историю в контекст истории всемирной. Нас будут интересовать те из множества хроник, в которых излагается история Чехии с древнейших времен. Сюда относятся хроники аббата Неплаха, Джованни Мариньолы и Пржибика Пулкавы из Раденина.

Неплах¹⁴ (1322–1368) выбирает для подробного изложения из всей легендарной, дохристианской истории чехов именно эпизоды, связанные с Либушей: призвание Пршемисла и основание Праги. В описании этих событий он опирался на сочинения Козьмы и Далимила.

Его хроника основание Праги описывает так:

... quadam die Lybossa phytone concitata presente viro suo Przyemisl et multis aliis de civitate Pragensi sic est vaticinata. . .

‘... в некий день Либуша, возбужденная прорицательским духом, в присутствии своего мужа Пршемисла и многих других о пражском городе так прорекла...’

Далее следует почти буквальное повторение трех гексаметров, после чего Неплах пишет, опуская описание Бруснице и Петршина:

... quod in eadem silva debeat reperiri homo de ligno operans limen, quod vulgariter dicitur prah. Continuo nuncii vadunt ad silvam et hominem limen operantem inveniunt statimque civitatem edificant et eam a limine, id est a prah Prahm appellunt, ipsamque dominam tocius Boemie constituunt et efficiunt.

¹¹Мы сознательно опускаем «Хронику так называемого Далимила», первую на чешском языке, возникшую во втором десятилетии XIV в., так как речь идет именно о латинских текстах. Существовавший латинский перевод «Далимиловой хроники» был, по мнению исследователей, известен Мариньоле (J. Emler, FRB, III, P. 525).

¹²О хрониках этого периода см., напр.: *Vlček J. Dějiny české literatury*. Praha, 1960, sv. I. S. 43; *Flajšhans V. Písemnictví české*. Praha, 1901. S. 72–124; *Лантева Л. П. Письменные источники по истории Чехии периода феодализма*. М., 1985. С. 61–67.

¹³Достаточно упомянуть, что именно при Карле IV был основан Пражский университет (1348 г.).

¹⁴Цит. по: FRB, III, P. 460–461.

‘... (Либуша указала), что в этом лесу должен обнаружиться человек, из дерева сооружающий порог, который на народном языке называется “prah”. Тотчас посланцы идут к лесу и находят человека, сооружающего порог и немедленно город строят и называют его Прага от порога, то есть от (слова) “prah”, назначают и учреждают его главой всей Богемии’.

В 1355–1362 гг.¹⁵ создается «Хроника Чешская и Римская» Джованни Мариньола. Мариньола, итальянец, приглашенный Карлом IV для написания хроники, сам признается, что не знает ни чешского языка, ни чешской истории¹⁶. Его хроника, быть может, и малозначительная по содержанию¹⁷, написана довольно трудным, но ярким и образным языком, с обилием анаколуфов, и именно «по форме» весьма примечательна.

Мариньола, в изложении других древних чешских легенд добавляющий много от себя, в описании основания Праги почти буквально повторяет Козьму. Стихи он повторяет почти слово в слово, далее следует пересказ описания места в лесу и предсказание о человеке, сооружающем порог дома. После предсказания о святых Вацлаве и Войтехе (очень близкого к тексту Козьмы)¹⁸ он говорит:

Huius ergo inducti oraculo, signo predicto, urbis Prage fundamenta jecerunt et totius Boemie urbem et metropolim statuerunt.¹⁹

‘Итак, побужденные этим оракулом, по вышеназванному знаку закладывают основу города пражского и назначают его столицей и главой всей Богемии’.

Значение названия «Прага» Мариньола вовсе не комментирует и даже из речи Либуши убирает этот пассаж («к низкому порогу даже великие господа склоняются»). У него Либуша говорит лишь, что посланцы найдут в лесу человека, строящего порог дома и дадут имя городу.

¹⁵FRB, III, P. 489.

¹⁶Et dum incognita nemora tam personarum, quam nominum, que mea lingua florencina eciam non valet exprimere, introissem. . . ‘И когда вступил я в неведомые чащи как особ, так и имен, кои мой флорентийский язык и назвать-то не может. . .’.

¹⁷Л. П. Лаптева считает, что «с точки зрения формы хроника ничем не примечательна, по содержанию малозначительна» (*Лаптева Л. П. Письменные источники*. . . С. 64).

¹⁸Мариньола предлагает два варианта понимания имени Вацлава: maior gloria vel vincens laudem («вящая слава или побеждающий хвалу»), тогда как у Козьмы был только первый. Кроме того, Мариньола в отличие от Козьмы называет святых по их настоящим именам — Венцеслав и Адальберт.

¹⁹Цит. по: FRB, III, P. 526.

III. Третье сочинение времени Карла IV, где дается описание основания Праги, — это «Чешская хроника» Пржибика Пулкавы из Раденина (ум. в 1380), написанная им в соавторстве с самим императором и известная в латинской и чешской авторских редакциях. Хроника создавалась в конце 70-х годов XIV в.²⁰

Пулкава начинает рассказ об основании Праги почти так же, как и его предшественники: Либуше дает пророчество в присутствии своего мужа и большой толпы старейшин. Пулкава первым уточняет, что происходит это «in castro Wyssegradensi» («в граде Вышеградском»).

Хронист повторяет стихи, слегка изменив только первую строчку, повторяет и описание самого места.

Дальше появляются новые мотивы.

Либуша не говорит о человеке, сооружающем порог дома, но приказывает:

Ad quem locum cum perveneritis, primum hominem, quem inveneritis, alloquimini, et id, quod vobis pro primo verbo responderit, ex eiusdem verbi nomine locum eundem vocabitis, idemque castrum eodem nomine instaurabitis et edificiis consumare debetis²¹.

‘Когда вы придете к этому месту, обратитесь к первому человеку, которого встретите, и по первому слову, которое он вам скажет в ответ, по значению этого слова назовете это место, и этот город тем же именем назовете, и должны постройками его заполнить’.

Посланцы идут к названному месту, встречают мастера, обрабатывающего бревно, и спрашивают, что он делает. «Limen», отвечает тот. Посланцы отмечают место и «preparaverunt edificia castrum, quod Prag, id est limen lingua slavonica, vocaverunt» (‘Возвели здания града, который словом “Prag”, что значит “порог” на славянском языке, назвали’).

Далее они возвращаются к Либуше, сообщают ей о том, что произошло. Она говорит:

Vene actum est, nam ad humile limen etiam magni domini se inclinant. ‘Хорошо сделано, ведь к низкому порогу даже великие господа склоняются’.

Затем Пулкава объясняет, что и в самом деле хорошо вышло, пересказывая пророчество Либуши о святых Вацлаве и Войтехе,

²⁰См.: *Липтева Л. П.* Письменные источники... С. 65–66.

²¹Цит. по: FRB, V, P. 8.

и добавляет: *Quod in futurum evenit post multa tempora*. ('Что и произошло в будущем после многого времени').

Далее Пулкава говорит, что в Праге хранится и почитается множество мощей²², и потому к этому порогу (*ad illud limen*)²³ стекаются толпы людей со всего света.

Вывод Пулкавы:

Ideo non immerito castrum predictum limen vocatum est, quod lingua slovanica prah dicitur et corrupto vocabulo ab alienis Praha vocatur.

'Таким образом заслуженно град этот назван *limen*, что по-славянски называется *prah*, а потом чужестранцами назвался *Praha* вследствие искажения слова'.

IV. В середине XV в. «Чешскую историю»²⁴ пишет итальянец Эней Сильвий Пикколомини²⁵ (1405–1464), будущий Папа Пий II. В отличие от Мариньолы он пишет на строгой и безупречно правильной классической латыни. Разумеется, существуют и более важные отличия сочинения Пикколомини от хроник, рассмотренных нами ранее. Творчество Энея Сильвия принадлежит к совсем иной эпохе, к иному жанру. Перед нами образец уже не средневековой хроники, а исторического сочинения эпохи Возрождения²⁶.

²²Согласно многочисленным житиям св. Вацлава и «Хронике» Козьмы (I,19) его останки были перенесены в Прагу, в собор св. Вита. Перенесение мощей св. Войтеха в Прагу также описано Козьмой (II, 4)

²³Автор «Великопольской хроники» в рассказе о посещении императором Оттоном III могилы св. Адальберта также использовал слово *limen*: ... *Otto imperator tertius dictus Rufus, gratia visitandi limina sancti Adalberti* (. . .) *Poloniam intravit* (Император Оттон III, прозванный Рыжим, для посещения могилы Св. Адальберта (. . .) прибыл в Польшу). Цит. по: *Monumenta Poloniae Historica: T. I–VI. T. II / Wyd. August Bielowski. Lwów, 1872. S. 483.*

²⁴Цит. по: *Aeneae Silvii Historia Bohemica — Enea Silvio Historie česká / K vyd. přípr. D. Martínková, A. Hadravová, J. Matl. Praha, 1998.*

²⁵О жизни и деятельности Энея Сильвия Пикколомини см.: *Šmahel F. Enea Silvio Piccolomini a jeho Historie česká // Ibid. S. XIII–XCVII.* Личность Энея Сильвия, политика и писателя, привлекает внимание и русских исследователей: *Зарецкий Ю. П.* Ренессансная автобиография и самосознание личности. Энея Сильвио Пикколомини (Пий II). Нижний Новгород, 2000. Там же довольно обширная библиография (С. 145–152). Фрагмент из «Чешской истории» был переведен и опубликован: *Кривушин И. В., Мальцева И. А.* Эней Сильвий Пикколомини. Богемская история // *Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения (исследования и тексты)*. Сборник научных трудов памяти К. Д. Авдеевой. Иваново, 2000. С. 242–253.

²⁶См., напр.: *Вайнштейн О. Л.* Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964, С. 241–244.

Тем не менее посмотрим, как трактовал Эней Сильвий наш сюжет.

Древняя история Богемии мало интересует его, и он лишь дает беглый пересказ предшественников. «*Historia Bohemica*», написанная в июне–июле 1458 г. (в конце лета того же года он избирается на папский престол), охватывает историю Чехии от древних времен до избрания королем Иржи из Подебрад (1458 г.). Это сочинение состоит из пяти книг, уже в середине второй книги Эней Сильвий доводит повествование до времени Яна Гуса, т. е. до событий, свидетелями которых были старшие современники автора. Источником Энея Сильвия для древнейшей части повествования считается Пржибик Пулкава²⁷. Однако Эней Сильвий относится весьма скептически к сообщениям своих предшественников. Говоря, например, о том, что чехи возводят свое происхождение к строителям Вавилонской башни, он, не скрывая сарказма, замечает, что другие народы говорят о своем происхождении гораздо скромнее: римляне считают себя потомками троянцев, британцы вполне довольны тем, что происходят от некоего Брута²⁸. Так же он иронизирует над сообщением предшественников (Пулкавы) о том, что первые поселенцы чешской земли ходили нагими: «не такая в этих краях погода, чтобы ходить голыми».

Об основании Праги Эней Сильвий рассказывает следующим образом:

De cuius nomine cum disceptaretur, iussit Libussa ex artificibus, qui prior accurreret, rogari, quid ageret, ac ex primo eius verbo vocari oppidum. Interrogatus faber lignarius quispiam, limen se agere dixit, quod Bohemice “praha” dicitur, indeque nomen urbi datum, sed corrupto vocabulo posterī Pragam dixere.

‘Когда обсуждалось его (города) название, Либуша приказала у того из мастеров, кто первым навстречу попадет, спросить, что он делает, и по его первому слову назвать город. Некий плотник, будучи спрошен, сказал, что делает порог, который на богемском языке называется прага, и отсюда было дано имя городу, но потомки, искажив название, говорили Praga’.

Таким образом, итальянский гуманист не только, следуя за Пул-

²⁷ *Aeneae Silvii Historia Bohemica — Enea Silvio Historie česká*. S. 17.

²⁸ В Средние века была распространена легенда о происхождении британцев от Брута, потомка Энея. Об этом рассказывает, например, Гальфрид Монмутский в своей «Истории бриттов» (XII в.).

кавой, отказывается от мотива пророчества («увидите человека, со- оружающего порог»), но и вовсе никак не комментирует название города, устраняя все, что, по его мнению, — досужий вымысел. Та- кой, вероятно, была его сознательная установка: в другом месте он прямо говорит, что «*multa sunt, quae de Bohemis vera ac memorabilia tradunt; ad ea nugis omissis festinat calamus*» ‘много есть истинного и достопамятного, что сообщают о чехах; к этим вещам торопится пе- ро, опустив чепуху’. Там же — в рассказе о происхождении чехов — он резко называет мнение о том, что чехи происходят от строителей Вавилонской башни, «*anilia deliramenta*» — «старушечьими бред- нями».

Разобьем теперь изложение Козьмы на составные элементы: А — стихи, В — описание места в лесу, С — пророчество о Вацлаве и Вой- техе, D — название города от слова «порог», E — интерпретация на- звания («*ad humile limen. . .*») и укажем наличие этих элементов в последующих источниках.

Козьма: А В С D E

Неплах: А D

Мариньола: А В С D

Пулкава: А В С D E

Эней Сильвий: D

Только двое из рассмотренных авторов — Козьма и Пулкава — пытаются объяснить значение названия города тем, что «у низкого порога даже великие господа кланяются».

Пулкава единственный из всех, кто развивает эту мысль, и по- ясняет, *почему* по отношению к Праге существует такое почтение: хранящиеся в этом городе святые реликвии столь многочисленны, что привлекают к себе паломников со всего света²⁹.

Неплах в своей хронике вообще очень лаконичен (что обуслов- лено жанром: он пишет именно анналы)³⁰; можно сказать, что по

²⁹Козьма, описывая перенесение мощей св. Войтеха, произносит краткую, но полную гордости похвалу Праге, связывая славу города со святыми реликвия- ми: *O nimium felix metropolis Praga, olim sacro duce sublimata, nunc beato presule decorata, a domino deo tibi collata excipis gaudia geminata, et per has binas miseri- cordie olivas fama volas ultra Saromatas atque Sarigas* ‘О, пресчастливая столица Прага, некогда святым князем возвышенная, теперь же блаженным епископом украшенная, принимаешь дарованные тебе господом богом радости удвоенные, и через две эти милосердия оливы летишь в славе вплоть до сарматов и сари- гов’.

³⁰«Анналами называют краткие и сухие погодные записи событий, хрони-

сравнению с описанием других древних событий основание Праги (даже в таком урезанном виде) описано исключительно подробно. Сразу после этого он, словно спохватившись, говорит, что «кратко описав эти события и многое другое излишнее опустив» перейдет к перечислению языческих князей. Пророчество о святых он убирает и в дальнейшем, упоминая о Вацлаве и Войтехе под соответствующими годами, в обоих случаях отсылает читателя к житиям.

Эней Сильвий из всех перечисленных элементов оставляет лишь наименование города по слову «порог», причем выбор слова случаен: город получает название по первому слову первого встречного. Этот сюжетный ход он заимствует у Пулкавы, но в отличие от Пулкавы название не комментирует.

Рассмотрим теперь отдельно стихи, которые Либуша произносит в начале пророчества. У Козьмы они выглядят так:

Urbem conspicio, fama que sydera tanget
Est locus in silva, villa qui distat ab ista
Terdenis stadiis, quem Wlitava terminat undis.

‘Я вижу город, который славой коснется звезд. Есть место в лесу, которое отстоит от этого поселения на тридцать стадиев, которое Влтава ограничивает волнами’.

Первый из этих стихов³¹ основан на топосе³², известном в классической латинской поэзии³³. При описании славы (как правило, грядущей) метафора «коснуться (головой) звезд (неба)» — *sidera tangere* — была в латинской поэзии общим местом. Так, Гораций в оде, открывающей его первую книгу, говорит о своей поэтической

ками (реже хронографами) — произведения, дающие более распространенное и связанное изложение, историями — работы, в которых наряду с хронологической дается прагматическая связь событий и предлагается объяснение их причин и следствий» (*Вайнштейн О. Л.* Западноевропейская средневековая историография. С. 104).

³¹Отметим отличие первого стиха от двух последующих. Во втором и третьем стихах присутствует морфологическая внутренняя, «леонинская», рифма (*silva — ista; stadiis — undis*), распространенная для гексаметра этого времени. Например, именно таким гексаметром написана поэма о мученичестве св. Адальберта (Войтехе), автором которой некоторые ученые считают самого Козьму (издана, например, в FRB, I, S. 313–334). В «Чешской хронике» много подобных гексаметров.

³²Такова была обычная практика средневековых поэтов: свободно распоряжаться заученными в школе стихами античных поэтов.

³³Все параллели с античными авторами, о которых пойдет речь ниже, приводятся (без комментария) в издании Б. Бретгольца.

славе (Нор. Carm. I, 1, 36): *sublimi feriam sidera vertice* ‘я коснусь высоко поднятой головой звезд’.

Впрочем, речь могла идти о славе необязательно поэтической. У Овидия в «Метаморфозах» (Ov. Met. VII, 60–61) Медея полагает, что, если она поможет Ясону, то он на ней женится и она будет знаменита и счастлива:

... quo coniuge felix
et dis cara ferar et vertice *sidera tangam*.

‘... с таким супругом я буду счастливой и милой богам и коснусь головой звезд’.

Обращает на себя внимание положение слов в концовке стиха: *sidera tangam* Овидия и *sidera tanget* Козьмы. Впрочем, это выражение использовали и до Козьмы: поэт V в. Седулий говорит (Sedul. Carm. pasch. IV, 54–56): *At iustus palmae similis florebit amoenae* ⟨...⟩ *et tamquam Libana cedrus* ⟨...⟩ *vertice sidera tangit*. ‘а честный будет процветать, подобно прекрасной пальме... и подобно кедрю ливанскому ⟨...⟩ вершиной касается звезд’.

Второй стих имеет классический зачин «*Est locus...*»³⁴

Первый и третий стих Либушиного пророчества имеют параллель у Вергилия, причем в схожем контексте. В первой книге «Энеиды» Юпитер предрекает славу Рима:

Nascetur pulchra Troianus origine Caesar
Imperium Oceano, famam qui terminet astris (Ae. I 286–287)

‘Родится Цезарь, троянец прекрасным происхождением, который государство ограничит Океаном, а славу — звездами’.

Оба автора помещают глагольные формы *terminat/terminet* в пятой стопе гексаметров и используют одну и ту же гиперболу: слава возносится до звезд (*sidera/astra*).

Далее эти стихи приводят Неплах, Мариньола и Пулкава. Мариньола меняет лишь будущее время *tanget* на настоящее *tangit* («касается» вместо «коснется»). Изменения, внесенные Неплахом и Пулкавой портят и без того не безупречные стихи. У Козьмы, при всей неуклюжести второй и третьей строк, был соблюден гексаметр.

Неплах во втором стихе меняет *qui* на *que* (= *quae*), что приводит к легкому изменению смысла, устранению гипербата и появлению ошибки в метрике. В его версии *villa* приходится понимать как но-

³⁴Verg. Aen. VII, 563; Ov. Met. VIII, 790; Pont. III, 2, 45. Благодарю О. В. Бударягину за указание параллелей.

минатив, *villā*, (у Козьмы был аблатив *villā*) и краткое *a* оказывается между двумя долгими слогами, что невозможно в гексаметре: *Est locus in silva, villa, que distat ab ista. . .* ‘есть место в лесу, селение, которое отстоит от этого. . .’. Кроме того, оказывается, что в лесу *уже* есть некое поселение, что, конечно, логичнее версии Козьмы, у которого человек мастерил порог дома *in media silva*.

Пулкава «редактирует» первую строчку: *Urbem conspicio, fama cuius sidera tangit* ‘Я вижу город, слава которого касается звезд’. Это также приводит к нарушению размера: *famā* здесь оказывается номинативом, с кратким *a* в окончании. Кроме того, он также меняет «*tanget*» на «*tangit*».

Эней Сильвий, сам писавший среди прочего и латинские стихи, гексаметры устраняет вовсе из своего повествования. Эней Сильвий в описании богемских древностей весьма лаконичен, он лишь конспективно намечает канву основных событий легендарной истории, добавляя свои едкие замечания, и, разумеется, мог устранить стихи по причине стремления к краткости. Кроме того, для избранный им манеры изложения включение стихов могло показаться неуместным. Но в описании последовавшей за смертью Либуши «девичьей войны» наш автор вдруг становится весьма многоречив и разворачивает этот эпизод в новеллу с подробнейшим описанием деталей. Таким образом, для сюжета, увлекшего его, Эней Сильвий не пожалел времени и места. Рискнем предположить, что далекие от совершенства стихи Козьмы пришлись не по вкусу утонченному гуманисту, а поэтическое обаяние истории основания Праги не привлекло его внимания.³⁵

Summary

The author examines extracts from Latin Medieval and Renaissance texts concerning the legend about the foundation of Prague (from Cosmas of Prague to Aeneas Silvius Piccolomini). Cosmas Pragensis narrates in his «*Chronica Boemorum*» that princess Libuse foretells foundation of «great

³⁵Эту черту его стиля подметил А. Н. Немилов. В связи с другим сочинением Энея Сильвия «Описание Германии» он пишет: «В подборе легенд виден живой ум человека, у которого этнографический интерес сочетается с чисто итальянским эстетическим походом. Красота фабулы или поэтического образа постоянно увлекают автора» (*Немилов А. Н.* Немецкие гуманисты XV века. Л., 1979. С. 90).

city whose glory will reach the stars» and says that the city will receive its name after the word «threshold». The later authors of Latin chronicles who deal with this legend (Přibík Pulkava, Neplach, Giovanni Marignola of XIV century) and Aeneas Silvius Piccolomini (whose «Historia Bohemica», written in 1458, belongs to humanist historiography) eliminate some details or add new ones. For example, Přibík Pulkava explains why the name of the city proved to be apt. In the end of the article the author studies the hexameters of Libuše's prophecy.